

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В КАДРОВОЙ И ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ СТРУКТУР КАРАЧАЯ В 1920–30-х гг.

*Работа представлена кафедрой истории России
Карачаево-Черкесского государственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. М. Бегулов*

В статье, базирующейся главным образом на архивных материалах, рассматривается религиозный (исламский) фактор в кадровой и пропагандистской политике партийных и советских органов власти в Карачаевской национальной автономии в 1920–30-х гг.

The religious (Islamic) factor in personnel and propaganda policy of party and Soviet authorities in the Karachai national autonomy in the 1920–30s is considered in the article, which is based mainly on archive materials.

С первых же дней своего существования большевистский режим проводил внутриполитический курс, враждебный всем религиям. Но, как правило, это пока еще касалось в основном духовенства Русской православной церкви, не только господство-

вавшей в конфессиональном пространстве дореволюционной России, но и являвшейся опорой свергнутой монархии.

Несколько по-другому вначале велась политика на мусульманском юге страны. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. советское пра-

вительство издало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором заверяло приверженцев ислама: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всею мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹. В своем письме от 21 февраля 1920 г. («К работе среди народов Востока») ЦК РКП(б) строго напомнил о том, что «религия у восточных народов занимает... гораздо больше места, чем у народов экономически более развитых»².

С одной стороны, это объяснялось внутренней задачей упредить возникновение центробежных тенденций, а с другой – следовало учесть фактор соседства с мусульманскими странами (Турция, Иран, Афганистан), с которыми Советская Россия сразу же установила дружественные отношения, чего не скажешь об ее европейских соседях. Провозглашение Горской АССР в ноябре 1920 г. встретило доброжелательный отклик со стороны правительства Турецкой республики, с которой РСФСР тогда заключила военно-политический союз. 18 декабря того же года маршал Мустафа Кемаль-паша (получивший позднее эпитет Ататюрк – «Отец турок») от имени ведущей страны исламского мира направил телеграмму В. И. Ленину. «Нет сомнений в том, – писал турецкий лидер, – что это счастливое решение будет иметь прекрасное влияние на сближение между большевистским и мусульманским миром... Благодарю Вас за дальновидную политику, которую по Вашему почину ведет на Востоке Российская Советская республика»³.

Большевистские лидеры изначально осознавали это и в первые годы своего правления старались проводить в мусульманских регионах страны по возможности тактичную конфессиональную политику. Ана-

лизируя ситуацию в Карачае и Черкесии в 1918 г., советский военный функционер той поры Г. Е. Пономаренко писал, что в политике «острым лезвием являлся шариат и Коран» из-за чего Советам «приходилось вести... исключительно тонкую политику и тактику»⁴.

В декабре 1920 г. письмом Терского обкома партии местным парторганизациям в связи с образованием Горской автономной советской социалистической республики (ГАССР) предписывалось «проводить советские начала применительно ко всем особенностям горских народов, языку, нравам, обычаям, религии и проч.»⁵.

Приказом исполкома Терского областного Совета за № 351 от 29 декабря 1920 г. было установлено, что в области советского правосудия организуются народно-шариатские суды по типу единого народного суда. В ГАССР наряду с общесоветской системой судопроизводства существовала и религиозная. Так, в соответствии с постановлением 1-го (Учредительного) съезда Советов ГАССР от 21 апреля 1921 г., «там, где трудящиеся-мусульмане пожелают» разрешалось учредить шариатские суды (исключительно для мусульман). В наркомате юстиции Горской АССР создавались два отдела – отдел народных судов и отдел шариатских судов (в него входили знатоки шариатского права – фикха). На уровне округов в окружных бюро юстиции создавались шариатские отделы с подчинением соответствующему отделу в наркомате юстиции республики. Любопытно, что шариатские суды вводились в то время, когда ст. 65 Конституции РСФСР лишала избирательных прав «монахов и духовных служителей церкви и религиозных культов», в том числе и мусульманского культа. По этой причине 1-й съезд Советов Горской АССР установил, что избирательные права могли предоставляться только тем муллам, «которые показали себя активными революционерами и защитниками трудящихся масс». При этом персональное предоставление избирательного права осуще-

ствлялось решением окружных исполкомов, которое затем должно было утверждаться ЦИК ГАССР. Кроме того, в резолюции того же съезда указывалось на необходимость создания Восточного института для изучения шариатской юриспруденции на арабском языке и создания при нем подготовительных школ для учащихся из горских народов республики⁶.

В отличие от партийных структур в советские органы на должности служащих в годы нэпа сравнительно беспрепятственно брали верующих, причем их религиозные чувства уважались. Это касалось не только мусульман. Так, в одном из решений властей Карачаевского округа в апреле 1921 г. указывалось: «ввиду наступления в текущем месяце еврейского праздника Пасхи» всем заведующим подотделами Карачаевского окружного исполкома Советов предлагалось освободить от исполнения служебных обязанностей работников окружных структур из числа лиц еврейской национальности (Коган, Марголис, Давидсон, Поляк, Фабрикант, Зиссельман, Фукс, Киффер)⁷.

Марксистско-ленинская партия по определению являлась атеистической, поэтому членство в ней верующих людей было категорически запрещено. Тем не менее честолюбивые, амбициозные молодые люди из числа горцев, которых в ряды ВКП(б) влекли перспективы роста статусных позиций, старались по возможности публично не рвать с национальными традициями. На совещании областного партактива окружного и сельского звеньев в феврале 1928 г. заведующий областным земельным управлением М. Хасанов прямо указывал на то, что даже в процедуре дачи рекомендаций по приему в партию «играют большую роль родственные связи»⁸. Пренебрежение основными национальными обычаями почти не допускалось, в противном случае неизбежны были внутрисемейные раздоры, конфликты с родителями и т. п., чего средний сельчанин всегда старался избегать. Неуважение к родителям влекло за собой не просто осуждение, но и жесткие моральные сан-

кции. Виновный в таком проступке практически не имел шансов обустроить брак своей дочери или сына с представителями «нормальных семей», не приглашался на мероприятия местного «приличного общества» и т. д.

Поэтому молодые коммунисты старались в силу своих возможностей выполнять традиционные нормы обрядовой жизни. Нередко об этом шли доносы «доброжелателей» в партийные инстанции для принятия соответствующих мер.

Достаточно просмотреть содержание дел коммунистов, которые рассматривались в одном лишь январе 1928 г. на заседании «партийного трибунала» – так называемой партколлегии областной Контрольной комиссии ВКП(б). Так, из партии был исключен 36-летний житель а. Хасаут (Мало-Карачаевский округ) Ш. Т. Куртаев, который обвинялся в «несении религиозных обрядов». В частности, он «неоднократно призывал с минарета граждан на исполнение религиозных обрядов» и, более того, «в показаниях не отрицает несения религиозных обрядов»⁹. Также «за несение религиозных обрядов» был исключен из партии решением окружного оргбюро ВКП(б) житель того же аула 27-летний А-К. М. Шаманов. Аналогичное решение и с той же формулировкой было принято в отношении коммуниста из аула Учкекен того же округа П. А. Бостанова¹⁰. Строгий выговор был вынесен в октябре того же года 26-летнему Л. А-А. Додтаеву. Было отмечено, что он «происходит из духовной семьи», также уличался «в несении религиозных обрядов», но имел смягчающие обстоятельства¹¹. Характерным было партийное дело коммуниста из Хумаринского округа К. А. Токова. Он обвинялся в следующем: «Ходит в мечеть, произносит молитвы перед зданием Совета с целью, чтобы его молитву услышало население». Более того, он говорил, что «партия всем своим членам разрешает молиться и нести религиозные обряды и если партийцы не выполняют» их, «то просто не делают из-за лени». Кроме того, «не-

давно во время женитьбы сына совершил все религиозные обряды, как-то: дача калыма и т. д.»¹².

Партийным взысканиям подвергались не только рядовые коммунисты, но и крупные номенклатурщики. Например, в феврале 1928 г. строгий выговор был объявлен зампрокурора Карачаевской АО 30-летнему А. И. Батчаеву, вина которого, помимо всего прочего, состояла в том, что он «заказал в типографии г. Кисловодска обложку с надписью «Коран» с инициалами и фамилией для переплета книги под тем же названием»¹³. В мае того же года перед партколлегией предстал профсоюзный лидер (председатель правления Союза сельхозрабочих КАО) 30-летний Я. О. Кипкеев. Он обвинялся в том, что также «выполнял религиозные обряды», а именно – дал за жену калым «и по обычаям держал ее в помещении целый месяц»¹⁴.

Антирелигиозный курс ужесточился с завершением нэпа, когда партийные органы, декларируя меры по борьбе с религией, приняли решения, притеснявшие служителей культа и резко ограничивавшие религиозную жизнь общества. Это вызвало ожесточенное сопротивление. Разбирая причины антисоветского восстания 1930 г. в Карачае¹⁵, партийное руководство области указало на наличие «перегибов и извращений линии партии», каковыми признавались и элементы религиозной политики («обложение мечетей налогом», закрытие мечетей и медресе в 1929 г., «что и было использовано духовенством» в Карт-Джурте, Хурзуке, Терезе и др.)¹⁶.

В решении бюро от 27 марта 1930 г. партиейкам «категорически» предписывалось «повести решительную борьбу со всякими попытками административным путем осуществлять антирелигиозную работу, то есть закрывать мечети, выселять безосновательно служителей культа, не допускать произвольного обложения мечетей, а равно и служителей культа налогами, что вызывает законное недовольство верующих»¹⁷. В тот же день облисполкому было

поручено «пересмотреть вопрос о налоговом обложении эфенди и мечетей»¹⁸.

Во время мусульманского поста (оразы) в 1931 г. бюро обкома приняло постановление, в котором предписывало партиейкам и райкомам «развернуть массово-разъяснительную работу» на селе, где «особое внимание обратить (на работу) среди женщин, на материальный ущерб, физиологическую вредность, наносимые уразой, а также на идеологическую подоплеку оразы». Но при этом также предписывалось «не допустить административных методов»¹⁹.

В действительности такие методы продолжали использоваться. В 1935 г. часть священнослужителей вместе с «раскулаченными семьями» из числа карачаевцев, черкесов, абазин, осетин была сослана в Баяут (Узбекистан)²⁰. И в последующие годы курс на постепенное, но неуклонное ограничение религиозных прав граждан продолжился, хотя в идейном плане он терпел неудачу. Даже к 1934 г. констатировалось, что «антирелигиозная литература на карачаевском языке отсутствует», а так называемый Союз воинствующих безбожников (СВБ) уже два года не функционирует²¹. По этому поводу было принято постановление бюро обкома от 25 сентября 1934 г., которое и через год оставалось невыполненным. В решении бюро, принятом в июне 1935 г., указывалось на «контрреволюционную работу» религиозных организаций, в связи с чем отмечалась «роль мусульманского духовенства в период коллективизации и восстаний в Карачае в 1920 и 1930 гг.», а также «роль монастырей православных и сектантских служителей культов»²². Но и в 1938 г. партийное руководство жаловалось, что «в области нет антирелигиозной литературы на карачаевском языке», а у структур СВБ «даже нет помещения»²³.

В целом можно, видимо, полагать, что борьба с религией в рассматриваемый период не выходила за рамки внедрения атеистической идеологии через систему образования и репрессалий в культовой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Лайпанов К. Т.* Победа Великой Октябрьской революции и установление Советской власти в Карачае и Черкесии (март 1917 – июнь 1918) // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. Т. 2. С. 22.

² Цит. по: *Идрисов Э. Ш., Альмуханова Р. Р.* Образ мусульманского духовенства в региональной печати и документах советской власти 1917–1920-х годов // Ислам на Юге России. Астрахань, 2007. С. 17.

³ Цит. по: *Эбзеева С. Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976. С. 99.

⁴ Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник (КЧМЗ). Ф. 2. Д. 1. Ед. хр. 11.

⁵ Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922) / Отв. ред. Б. М. Зумакулов. Нальчик, 1983. С. 621.

⁶ *Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002. С. 144.

⁷ Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР). Ф. 316. Д. 7. Л. 68.

⁸ Архив Карачаевского научно-исследовательского института (Архив КНИИ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 10б.

⁹ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (ЦДОДП КЧР). Ф. п-45. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1, 5.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ *Текеев Ш.* Последнее восстание в Карачае // День Республики. 2008. 12 февраля.

¹⁶ ЦДОДП КЧР. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 32. Л. 95об.

¹⁷ Там же. Л. 96.

¹⁸ Там же. Л. 93.

¹⁹ Там же. Д. 41. Л. 19.

²⁰ *Байрамкулов М. Х.* Кулацкий эшелон. Ставрополь, 2004. С. 11–32.

²¹ ЦДОДП КЧР. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 62. Л. 57–58.

²² Там же. Д. 67. Л. 175.

²³ Там же. Д. 78. Л. 104.